

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

**Камень
богини любви**

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 85

Оформление серии *С. Курбатова*

Арсеньева Е.
А 85 Камень богини любви : роман / Елена Арсеньева. — М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-71721-7

Писательница Алена Дмитриева купила дивный итальянский браслет — с агатами, халцедонами и редким кварцем. По поверью, такой кварц приносит своей владелице любовь и удачу... Вместо этого браслет повел себя самым неожиданным образом: сначала он уменьшился в размерах, а потом центральный камень изменил свою форму! Тогда-то у Алены и наступила черная полоса — молодой бойфренд стал подозрительно равнодушным, вдохновение ее покинуло, и вообще вокруг начало происходить слишком много странного... Решив разгадать тайну украшения, Алена отправилась к ювелиру, чинившему браслет сразу после покупки. И узнала: мастер бесследно исчез вскоре после ее визита!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-71721-7

© Арсеньева Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Я не представляю себе, кто мог это сделать. Представить я, конечно, могу... Я все могу представить. В этом для вас вся трудность. Я могу представить хоть сию минуту. Все мои версии прозвучали бы вполне убедительно, и тем не менее все они были бы неверны.

Агата Кристи

Наши дни

Вообще начиналось все совершенно мистически, но при этом — в сплошной лихорадке буден. В один прекрасный день, куда-то там собираясь, не суть важно куда, писательница Алёна Дмитриева открыла шкатулку, выбирая браслет, который подходил бы к ее новым серьгам, сочла, что лучше недавно купленного итальянского не найти, вынула его, начала застегивать, да внезапно обнаружила, что ничего не получается. Браслет не застегивался.

При этом застежка, состоявшая из палочки и колечка, в которое палочке следовало просунуться, была вовсе даже не сломана. Браслет не застегивался потому, что с трудом обхватывал Алёнино запястье. Уж она и так его и этак натягивала и перемещала — ну никак! В конце концов удалось-таки застегнуть, всунув палочку в петельку, но браслет захватил запястье плотно, алчно, можно сказать, словно оно в одночасье непоправимо растолстело.

А ведь это совсем даже не так! Ни запястье, ни обладательница его в весе не прибавили ни на грамм (не убавили, к сожалению, тоже, но это уже совсем другая история).

Алёна смотрела на браслет и ничего не понима-

ла. Совсем недавно все было нормально. Он свободно застегивался, а главное, симпатично так болтался и вовсе даже не сковывал, словно наручники или кандалы! То есть сначала, после покупки, он был именно таким — тесноватым, даже весьма. И, конечно, дама, которая терпеть не может никаких оков, ни моральных, ни физических, как Алёна Дмитриева, его ни за что не купила бы. Но он был так красив! Латунные овалы, обрамленные стразами, крошками белого агата и маленькими осколочками халцедона, какие-то причудливые штуковины вроде плоской такой короны, малехонькой и изящной — совершенно для королевы фей! — а главное, в одном из овалов была довольно большая очаровательная вставка из кварца-волосатика, или, для знатоков, рутилового кварца...

Правда, сначала, покупая браслет, Алёна могла оценить этот камень только чисто обывательски: нравится — не нравится. Знатоком камней и минералов она отнюдь не была — ну, конечно, жемчуг от янтаря отличила бы и, может, при известном напряжении, белый агат от черного — тоже, но вообще в эксперты ее не взяли бы. Она совсем не разбиралась в каратах, твердости, тугоплавкости и прочих таких специальных штуках. Зато могла вам рассказать множество мифов-сказок-баек о камнях, поведать, например, об оживляющих свойствах камня Лигурия: вообразите, некие мореплаватели, отправившись в дальний путь, запаслись битой и хорошо просоленной птицей, однако вышло так, что в кармане у какого-то моряка завалился лигурий, и вот в один потрясающий миг солонина вся ожила, выпорхнула из бочек, сделала прощальный круг над кораблем, помахивая ошипанными крыльями, а потом, выстроившись клином, потя-

нула на юг... а может, и на север, на запад или на восток, об этом история умалчивает.

Однако давайте отвлечемся от мифологии и вернемся к реальности. Алёна купила браслет, потому что он ей просто до дрожи понравился, и прямоком из магазина направилась к ювелиру, благо в двух кварталах от ее дома открылась небольшая мастерская.

— Вообще мы только по золоту работаем, — сказал стоявший за прилавком парень. Во лбу у него смешно торчала небольшая черная лупа, какие обычно носят в глазу часовщики. Лупа была привязана к шнурку и вздета на голову — наверное, чтобы не мешала. — По серебру, по платине. И по камушкам драгоценным. А это чистая латунь.

— Ой, ну пожалуйста, помогите! — взмолилась Алёна Дмитриева, подпуская в свой милый голосок вовсе уж чарующие, этакие шелковисто-бархатистые нотки. — До чего красивый браслет, а застегивать — суцая мука. Можно ведь какое-нибудь колечко припаять, чтобы он стал посвободней. Неважно какое, медное, железное...

— Ну, не говорите пошлостей, — поморщился ювелир. — Медь, железо... тут нужна благородная латунь. Браслет и в самом деле красивый. Из Италии привезли, что ли?

— Из Италии, но не я, — усмехнулась Алёна. — Я в «Клеопатре» купила. Около площади Горького.

— В «Клеопатре»? — повторил ювелир. — Знаю такой магазинчик. Да, классный браслет. Да он еще и с волосатиком... — И он взглянул на Алёну не просто как на докучливую клиентку, а вроде бы даже с некоторым уважением.

— Вот именно, — проговорила Алёна, словно слышала это слово не впервые в жизни. — Возьмите колечко приделать? А? Ну пожа-а-алуйста!

Ювелир задумчиво подергал лупу на лбу, словно решал, вставить ее в глаз или погодить. И начал разглядывать клиентку.

Да ты хоть с лупой на Алёну Дмитриеву посмотри, хоть без лупы — двух мнений быть не может! Красавица! Рост — модельный, фигура — зашибись, прекрасно одета, глаза неотразимые, голос такой задушевный... Какой мужчина устоит? Вот и этот не устоял. Причем, конечно, он прекрасно понимал, что рядом с такой феминкой ему делать совершенно нечего, а все же захотелось, чтобы эти глаза, не то серые, не то голубые, не то зеленые, посмотрели с восхищением, чтобы губы надменные улыбнулись ему благодарно...

— Ну что с вами делать, — сказал ювелир. — Пятьсот рублей — это вам как, по карману будет? Работа тонкая...

Глаза посмотрели, губы улыбнулись, все чин чинарем.

Ювелир вовсе растаял:

— Готово будет через полчаса. Можете здесь подождать.

— Спасибо огромное! — выдохнула Алёна и принялась разглядывать крохотную мастерскую. Здесь не было ничего, кроме прилавка, за которым виднелась приоткрытая дверь. Наверное, там была собственно мастерская, а также приватные помещения. У самой двери вешалка, на ней мужская куртка. На эту куртку Алёна поглядела мельком, потом пристальней, а потом уставилась, как на некое диво дивное, чудо чудное. Собственно, ничего особенного, обычная черная куртка из плащовки с утеплителем, но на этой черной плащовке на курточной спине была нарисована какая-то яйцеобразная штука, причем она так и сверкала — краски ну очень яркие! — да еще была обшита по контуру

золотым шнуром, напоминающим аксельбант. Причем видно было, что это не фабричная работа, а хозяин сам нарисовал, сам шнуром обшил. От куртки отчетливо пахло скипидаром.

— Вам, наверное, скучно? — раздался голос ювелира. — Вот, возьмите что-нибудь почитать. — Он положил на прилавок кипу журналов. — И вот это очень интересно — книжка о камнях. И садитесь, садитесь!

Он принес и стул.

— Спасибо, — разулыбалась Алёна. — А я на вашу куртку засмотрелась. Это эмблема цеха ювелиров? «Яйцо» Фаберже? Все эти яркие точки должны, наверное, означать драгоценные камни?

Ювелир поглядел на нее озадаченно, даже, можно сказать, ошеломленно, потом перевел взгляд на куртку — и махнул рукой, засмеялся:

— А, вот вы о чем! А я в толк не возьму... Это не моя куртка, это братишка мой балуется. Он мифологией увлекается, ну и нарисовал какой-то символ.

— Славянской мифологией? — обрадовалась Алёна. — Я тоже ею занималась, и даже очень плотно!

Она чуть не сказала, что вместе с бывшим мужем, Михаилом Ярушкиным (да-да, некогда наша фривольная героиня была замужем, звалась Еленой Ярушкиной, ну а потом как-то сама собой переквалифицировалась в писательницу-детективщицу Алёну Дмитриеву), даже составила в оны годы грандиозную энциклопедию славянской мифологии, которая была издана с умопомрачительными картинками, однако сочла, что это будет неуместно. Вот если ювелир спросит...

Но он не спросил, только сказал:

— Да всякой. Славянской, античной, еще север-

ной какой-то, нибелунги там, викинги... по-моему, у него все в одну кучу свалено, язычник он, короче. Слышали, может: в развалинах Куйбышевской водоканалки язычники тусуются? Ну так он из них. А я вчера свою куртку прожег нечаянно, отнес в ателье заштоковать, ну и надел братову, пока он спал.

— А брат проснется — в чем пойдет тусоваться? — хихикнула Алёна.

— У него другая есть, — успокоил ювелир и снова ушел за дверь.

Алёна еще немножко полюбовалась на эмблему, на тщательность работы и вспомнила, как в былые годы — очень-очень молодые! — когда жила у тетушки на Дальнем Востоке, в городе Ха, и недолго училась в Педагогическом университете, ездила со студенческим путинным отрядом на остров Шикотан, на Курилы. Это было эпохальное морское путешествие в красивейшее место в мире. И вот там у студентов считалось высшим шиком самостоятельно нарисовать что-нибудь на своей зеленой стройотрядовской куртке. Алёна изобразила серебристую рыбку (их отряд работал на заводе, где консервировали сайру) на фоне синего моря, зеленых сопок и золотого солнца. Еще где-то там маячил кораблик под алыми парусами (отряд назывался «Каравелла»). Куртка после окончания художественных работ изрядно отяжелела от краски и устойчиво пахла скипидаром, зато красотища вышла невероятная.

Алёна немножко поностальгировала, вспоминая былое, потом все же села на стул и взялась за «книжку о камнях».

Разумеется, первым делом прочитала статью про волосатик. И вот что вычитала:

«Среди различных разновидностей обычной дву-

окиси кремния знатоки минералов особо выделяют прозрачные кристаллы кварца с тонковолокнистыми включениями, напоминающими волоски или тончайшие иголки. Это так называемый рутиловый кварц: кварц (кристаллический оксид кремния) с тонкими кристаллическими включениями других цветных минералов (обычно золотистого и/или черного цвета).

Минерал рутил обеспечивает прелестные золотистые включения и формирует почти самый дорогой камень из семейства кварцев (рутил, расположенный звездой, также увеличивает ценность рубина). Рутил (оксид титана TiO_2) встречается в виде призматических, столбчатых, игольчатых и волосовидных кристаллов с простыми формами. Характерны коленчатые двойники, тройники, сетчатые сростки двойников игольчатого рутила (сагеныты). Кристаллы нередко изогнуты. Толщина таких кристаллов варьирует от миллиметра до десятых долей миллиметра, а цвет может казаться золотистым, серебристым и даже зеленоватым».

Вот тебе и волосатик! Прелестные золотистые включения... Красиво написано!

Алёна читала дальше:

«Рутиловый кварц был известен людям уже много тысячелетий тому назад. Считается, что включения рутила увеличивают магические свойства кварца. Прямые игольчатые включения независимо от цвета называют стрелами Амура, а изогнутые и переплетенные включения — волосами Венеры. По другой трактовке, стрелы Амура — это черные включения, а волосы Венеры — золотистые. Есть еще одно мнение, что стрелы Амура — это толстые, а волосы Венеры — тонкие кристаллы. Единой трактовки не существует. Считается самым мощным приворотным средством (как подарок). Усиливает красоту,

привлекательность, сексуальную энергию. Будит фантазию и вдохновение у творческих людей. Волосятик помогает в личных делах, ему всегда сопутствуют богатство и успех. Защищает от магии. Стрелы Амура стимулируют плотскую страсть, а волосы Венеры — более возвышенную духовную любовь. Считается, что кольца и кулоны с рутиловым кварцем замедляют процесс старения. Рутиловый кварц отгоняет тоску, грусть одиночества, наделяет своего владельца даром предвидения и позволяет предсказывать будущее. Мусульмане считают кварцы-волосатики с черными прямыми кристаллическими включениями священными камнями, называя их бородой Магомета. На Востоке этот камень считался драгоценнейшим и назывался Философским камнем Востока. Весьма ценили его и северные народы.

По легенде, богиня любви Венера, купаясь в горном источнике, потеряла прядь своих чудесных золотых волос. Обнаружив пропажу, вернулась их забрать, но поскольку время на Олимпе течет гораздо медленнее земного (там прошло несколько мгновений, а на Земле месяцы), наступила зима, и вода замерзла вместе с волосами. Вначале Венера очень расстроилась. Но волосы в замерзшей воде выглядели так красиво, что богиня решила не забирать прядь, а чтобы никто не смог посягнуть на божественные локоны, превратила лед в прозрачный камень (по-гречески кристаллус — это лед). И с тех пор люди находят диковинный хрусталь, хранящий волосы Венеры».

С ума сойти! Ну просто поэзия! И насчет творчества — в самую точку! Для прекрасной писательницы этот камень подходит идеально!

В мастерскую вошла молодая женщина в длинном черном пальто и маленькой шапочке, плотно охватывающей голову, и нетерпеливо постучала о прилавок.

— Минуточку! — крикнул мастер. — Ровно минуточку!

Он появился через две и вручил Алёне браслет, а потом выслушал ее благодарственные охи-вздохи. Правда, теперь на его лице было написано явное желание, чтобы восторженная дамочка со своим грошовым заказом поскорей ушла и оставила его наедине с новой клиенткой, которая, конечно же, пришла с заказом по золоту, или серебру, или платине, а может, по всем, вместе взятым, ну и с камушками драгоценненькими, само собой!

Алёна быстренько одарила ювелира улыбкой, простилась и ушла. Но первое, что она сделала, выйдя за дверь мастерской и надев на руку увеличенный — за счет вставленного между звеньями латунного колечка — браслет, это внимательно всмотрелась в камень. Налицо были и толстые («стрелы Амура»), и тонкие («волосы Венеры») кристаллы, причем самым причудливым образом переплетенные. «Бороды Магомета», правда, не имелось, да и Аллах с ней, с бородой, она тут, в компании античных божеств, согласитесь, совершенно неуместна.

С этой минуты Алёна не уставала ждать, когда же камень начнет проявлять свои волшебные свойства. Она еще сильнее полюбила очаровательный браслет, носила его практически постоянно, ну вот разве что с черными серьгами не надевала, и вот вдруг, после небольшого перерыва, такая странная история!

Если бы это была носильная вещь, можно было бы сказать, что она села после неосторожной стирки или сохлась, как иногда случается с кожаными туфлями. Но браслет?

Мистика какая-то. Совершеннейшая мистика!

Дела давно минувших дней

Вот любопытно было бы узнать: все люди такие слепые, глухие и дурные, вроде меня? Все они тащатся по жизни, либо зажмурясь, либо рот раззявив, ничегошеньки особенного в том, что вокруг происходит, не замечая, уверенные, что жизнь — это ни к чему не обязывающий перечень случайностей, а роковую роль в нашей судьбе играют либо заведомые злодеи или власть имущие, кои к нам или расположены, или нет? А может, сыщется кто-то, в случайной встрече или событии мгновенно распознающий перст судьбы?

Увы... я к таким провидцам не принадлежу и никогда не принадлежал. Вот-вот, время прошедшее относительно меня с каждой минутой становится все более уместным. Скоро самым уместным будет плюсквамперфект, давно прошедшее время... А ведь все сложилось бы иначе, владей я провидческим даром или хотя бы какой-никакой способностью к нему. Впрочем, Господь с ним, с провидением. Жаль, что я был довольно глуп и совершенно не озадачивался возможными последствиями тех событий, которые со мной приключались. Ну вот, к примеру, подарок Эльвиры... Человек поумней, посмекалистей, да что — просто поосторожней, чем я, непременно задумался бы, нет ли в нем чего-то необыкновенного. Вот сейчас, с высоты прожитых лет, которые вовсе даже не отдалили, а напротив, как бы приблизили ко мне давно минувшие события, словно под воздействием микроскопа, в который люди научные рассматривают каплю воды и видят в ней некие живые, но простым глазом невидимые существа, я вижу не только то, что происходило, но и то, что подразумевалось...

Эх, кабы раньше мне ту сообразительность!

Сколько бы напортачено не было! Скольких бед и сам избег бы, и другим не принес! Эх... воистину, знал бы, где упасть, соломки бы подстелил!

Какая теперь дребедень в голову лезет... Вот, к примеру, купил я нынче сию тетрадку и карандаш химический. Купил, дабы начисто переписать роль Тетерева в пьесе Максима Горького «Мещане», которую наша труппа взяла к постановке. Сказать по правде, моя в этом спектакле — роль Бессеменова. Но не могу сказать, чтоб с охотой брался именно за эту роль, хотя она в мои годы вполне в моем амплуа. Я бы лучше Тетерева сыграл... вот человек! Он и смешон, и величествен, как всякий резонер с несостоявшейся судьбой. Тетерев — вечный изгнанник жизни. Похож на нашу актерскую братию. Все мы вечные паяцы, клоуны да изгнанники, оттого мне и хотелось сыграть его. Но, как говорится, *poblesse oblige!* При моем статусе Тетерева играть вроде бы невместно. Да и нет у нас другой кандидатуры на амплуа «благородных отцов», кроме меня. Деваться некуда, но я очень ревниво смотрел на «резонера» нашего, Паву Ивашова, которому сия роль досталась при распределении. Все мне казалось, что я иначе сыграл бы! Лучше! Вот и решил для себя роль Тетерева переписать, чтобы хоть наедине ею наслаждаться. Для того тетрадку из дорогих, с хорошей бумагой купил и карандаш простой.

А вышло что? Вышло, что я эту тетрадку купил для того, чтобы записать последние свои в этой жизни слова? Потому что, будь честен перед собой, Никита Львович Старков-Северный, надежды у тебя, чтобы отсюда выбраться, нету никакой...

Кто и когда сюда вдруг явится и за какой надобностью? Никто и никогда, да и зачем? Ни одна душа не знает, что пошел я к станции... Нет, знает